

люди искусства

КОЛЛЕКТИВ, В КОТОРОМ ВСЕ — ВЕДУЩИЕ

Наталья АКУЛОВА

В ЭТОМ театре удивительно и необычно все. Но, пожалуй, удивительнее всего самого удивительного — репетиции, где торжествует полное расширение авторства. Никаких слов, никаких догм типа «это вредно для голоса», «культбит — нельзя, я собью дыхание», «как можно заговаривать со зрителем» и так далее. Артист обязан уметь все. И он умеет. При том что знает режиссер меньше всего смотрит на него, как на безотказную механическую муку, а рассчитывает на интуицию, творческий изыск его ума, таланта, мастерства. А режиссер в театре — Борис Александрович Покровский. Тотнее — художественный руководитель. В этом «словесном стереотипе» есть какая-то отстраненность, а отделит Покровского от театра невозможно, ибо он его теснее его существует, его мозг. А плоть артисты. Они беспредельно верят режиссеру, как он верит в каждого из них. Вот эта взаимная вера и рождает подлинную свободу творчества, результаты которой являют себя в блистательных спектаклях Московского камерного музыкального театра.

А ведь театр всего только восемь лет. Принято делать скидку на молодость, заранее извиняя за недостаток мастерства. Однако Камерный театр не только выдерживает в этих неслыхательных сдвигах, а, напротив, сам служит для других трупп атласом профессионализма, той органики существования на сцене, которой так редко можно похвалиться музыкальный театр. Здесь для артистов нет проблемы «петь» или «играть». Они просто и естественно объединили в своем творчестве эти две стороны сложной профессии оперного артиста. Дни их участия в музыкальном спектакле — способ существования, столь же органичный и естественный, как, скажем, дыхание. И эта простота и естественность — плод огромного каждодневного труда.

Рассказ о каком-либо коллективе принято начинать издалека, излагая эволюцию его творческого пути. Но Камерный театр настолько молод, что никакие события в его жизни еще не могут быть отнесены к истории. Разве что дата возникновения — 1972 год, — безусловно, останется в истории развития советского музыкально-сценического искусства, ибо созданный коллектив уникален. Его отличает от остальных музыкальных театров буквально все — начиная от спектаклей и кончая помещением.

Войдя в театр, вы будете долго спускаться вниз по лестнице, чтобы попасть в зал. Очунувшись же в нем, напрасно станете искать глазами привычные «атрибуты» оперного театра — портал, занавес, оркестровую яму, отделившую от зрительного зала от сцены. Ничего этого в Камерном театре нет. Нет осветительских ложек, нет и кулис. Зато есть главное — спектакли, которые захватывают зрителя, увлекая его в прекрасный мир оперного искусства, утверждая единство жанра, его необычайную многообразие.

Действительно, если взглянуть на его афишу, здесь прежде всего поражает обилие и разнообразие авторских имен: Бетховенский и Моцарт, Шуберт и Стравинский, Пашкевич и Гайдн...

Однако главная задача коллектива — современный репертуар. В списке произведений советских авторов первой надо назвать оперу Д. Шостаковича «Нос» — спектакль, ведь у нас, к сожалению, неизменно выходящий восторг у зрителей, в каких бы городах и странах его ни показывали. Он рождался в тесном контакте с композитором, принимавшим самое непосредственное участие в репетиционном процессе. Традиция утвердилась: контакт с автором стал обязательным для театра. И композиторы с радостью несут сюда свои партитуры: они уверены в том, что здесь отнесутся к их творческим решениям с большой добросовестностью, а воплощен спектакль будет с высочайшим мастерством.

У Камерного театра свой круг авторов — и самые известные, и самые начинающие: Т. Хеннигов и А. Холминов, Р. Щедрина и Н. Сидельников, В. Кобенин и А. Чайковский, А. Журбин, В. Гавелин, А. Дестиников. Каждая премьера коллектива —

событие в театральной жизни Москвы. Разнообразие решений и приемов, найденных для спектакля, отточенность мастерства и совершенство формы может позавидовать любой коллектив. Главное же заключается в том, что, несмотря на всю внешнюю неслыхательность спектаклей, одно и них всегда неизменно — то, что Станиславский называл «жизнью человеческого духа». «Сами человек и наглядное захватывающее, убедительное столкновение их страстей и ориентаций их атмосфер» — эти слова Невмировича Данченко как нельзя лучше раскрывают принцип работы Камерного театра. Бережно относясь и творческому методу, заветному величии основоположников, театр смело утверждает новые современные формы оперного искусства. И здесь прежде всего надо говорить о Борисе Александровиче Покровском.

Всякий раз, когда обращешься к творчеству этого выдающегося мастера советской музыкальной режиссуры, поражаешься не только таланту постановщика, его безудержной фантазии, глубине мысли, блистательному ощущению формы в целом и каждой ее детали, но и неувядаемой молодости художника. Режиссер все время идет вперед, его спектакли никогда не повторяют друг друга. Покровский стремится к поиску нового в искусстве, не боится отказываться от привычных, порой найденных когда-то им же самим, а сегодня уже устаревших приемов. Поэтому совершенно естественно, что именно человек такой яркой творческой индивидуальности, как Покровский, и должен был создать этот молодой театр, работе в котором отдал и отдал столько сил, энергии и времени.

Для эту уникальную в мире труппу сотворил он, Покровский. Но, говоря о ней, я не могу назвать ни одного имени, так как пришлось бы перечислять всех: ведь здесь нет привычного деления на ведущих авторов и авторов второго плана. Они все ведущие. И это не просто увеличение, ибо любой артист театра, играющий сегодня в «массовке», завтра исполнит в спектакле главную роль. Не реальное ли это осуществление заветов Станиславского? Ведь не случайно, что в Камерном театре отсутствует и хор — его функция возложена на тех же солистов. Зато с каким блеском и виртуозностью исполняются «массовки»!

«Коллектив», состоящий из звезд — так назвала Камерный театр одна из газет ФРГ. И к этому трудно что-либо добавить. И это не Камерном театре понимаешь первоначальное значение слова «коллектив»: артисты, артисты, артисты, дирижеры, костюмеры, декораторы, осветители — все они объединены, потому что Покровский привлекает всех не только к процессу создания спектакля, но и к непосредственному участию в нем. Будет ли в каждом человеке художником — артист он или бутафор, оркестрант или помощник режиссера.

Участвуют в спектаклях и зрители. В Камерном театре они не пассивные наблюдатели, а всегда активные участники творческого процесса, ибо, по словам Покровского, именно публика — «главный, решающий компонент спектакля». И только в результате такого объединения всех компонентов возможно осуществление того синтеза, без которого современный музыкальный театр существовать не может и добиться которого удается лишь немногим.

Может быть, поэтому так трудно найти, о работах Камерного театра, что разработать его постановки по «составным частям» невозможно. Как можно сказать об оркестре, что он «хорошо и выразительно звучал», если он является активным действующим

лицом в спектакле? Как оценить деятельность дирижера, если он, кроме выполнения обязанностей в оперном театре обязанностей, не только являющихся в происходящем на сцене, но и даже усмирять «вручную» разбушевавшихся артистов? Слом привычного стереотипа здесь присутствует всегда, и не только во внешних проявлениях «блуждающий» оркестр, который может находиться в любой точке зрительного зала, перемещение игровой площадки, различное размещение зрителей и так далее. Главным является то, что эти поиски никогда не бывают формальными, ибо всякая форма всегда вытекает из внутреннего смысла. Отказ от привычного и традиционного не есть разрушение оперного искусства, это глубоко созидательный процесс совершенствования и развития жанра, поиски нового, прокладывание путей в будущее музыкального театра.

Круга очень много гастролирует по Советскому Союзу, за рубежом, являясь украшением и гордостью многих праздников, фестивалей, смотров — в Сибири или Прибалтике, Австрии или Грании, в ФРГ, Югославии, Нидерланды, Италии. ГДР — перечислять можно много. И в рецензиях всего мира неизменно высказываются восхищение высокой музыкальной культурой театра, на спектакли которого забывают о трудностях вокальной партии, виртуозности ансамблей, сложности оркестровой фактуры. В этом заслуга главного дирижера театра, чье имя говорит само за себя — Геннадий Ромашовский.

Итак, искусство завоевано, успех огромный. И все же жизнь этого коллектива, и сожаление, протендет далеко не так безоблачно, как может показаться. Театр в полном смысле слова задыхается, испытывает трудности. Больше от него есть, но ведь прежде всего там нет специального репетиционного помещения, из-за чего спектакли не могут идти каждый день. Кроме того, зал вмещает всего двести зрителей, тогда как в среднем тысячу раз больше. Выает, простояв у касс всю ночь, люди остаются без билета. А огромное количество заявок от учреждений, очередь на realization которых велика. Вряд ли в ближайшие годы! Выход из сложившегося положения может быть только один — увеличение количества игровых площадок. Почему бы театру не дать возможность переоборудовать для своих спектаклей какие-нибудь пустые подвалы или даже чердаки, ведь играет же он сейчас в вышем кинозале. Это даст возможность удовлетворить хотя бы часть потенциальных зрителей, которые безуспешно пытаются приобрести билеты. Даст возможность, увеличив труппу, сохранить в репертуаре многие из идущих спектаклей. А пока, право же, страшный парадокс — спектакли в отличном состоянии, их видело в высочайшем количестве зрителей, а театр вынужден эти спектакли снимать, так как репертуар при существующих штатах и одной игровой площадке не может увеличиваться до бесконечности.

Необходимо осуществлять новые постановки, только на них может развиваться коллектив, идти вперед, расширяя круг поисков, пропагандируя оперное искусство. В портфеле накапливается огромное количество произведений, требующих своей очереди. И чем скорее театру окажут реальную помощь, тем больше новых и интересных постановок увидит свет рампы, тем быстрее расширится контингент людей, приобщенных к искусству оперы.